

Глава 40

Ин Хэ: «...»

Каким бы сдержанным он ни был, но когда человек, который тебе нравится, предлагает тебе стать его братом, сохранять спокойствие невозможно.

— Названными братьями... — повторил он, всё ещё не веря своим ушам.

Лу Цюцзинь, до этого молча наблюдавший за ними, расцвёл.

— Шичжэнь, это отличная идея, — с улыбкой поддержал он. — Вы так похожи, стать братьями — самое то. Ин Хэ всегда был старшим, а теперь и у него будет младший.

Ло Шичжэнь, до этого немного сомневавшийся, ободрился.

— Лу Цюцзинь, а давай и ты с нами! — предложил он.

Лу Цюцзинь: «...»

Ин Хэ, всё ещё не оправившийся от удара, не нашёл в себе сил съязвить.

Ло Шичжэнь был в восторге. Все эти дни они были неразлучны, всё делали вместе, советовались друг с другом — это была именно та дружба, о которой он мечтал.

Он указал на персиковое дерево, росшее неподалёку.

— Какое совпадение! Здесь как раз есть персиковое дерево. Мы можем, как Лю, Гуань и Чжан, принести клятву в персиковом саду!

Лу Цюцзинь: «...»

Ин Хэ: «...»

Если раньше в душе Ин Хэ ещё теплилась надежда, то после упоминания Лю, Гуаня и Чжана она окончательно угасла. Стало ясно, что речь идёт исключительно о братской любви.

Не дождавшись ответа, Ло Шичжэнь смутился.

— Вы чего молчите? Я что-то не то сказал?

— Нет-нет, дело не в тебе, а во мне, — тут же взял на себя вину Лу Цюцзинь, видя его растерянность. — У меня с братьями не ладится. Есть у меня младший, так мы с ним постоянно ссоримся. Так что я для названного брата не гожусь. А вот ты с Ин Хэ — другое дело. Он со своим братом, я вижу, душа в душу живёт. Такие люди созданы для братства.

Ло Шичжэнь, конечно же, поверил и повернулся к Ин Хэ.

— Я суеверный, — не моргнув глазом, соврал тот. — Мне гадали, сказали, что в названные родственники мне идти нельзя.

Лу Цюцзинь мысленно усмехнулся. Суеверный, как же. Ин Хэ был прагматиком до мозга костей.

Но Ло Шичжэнь поверил и этому.

— Жаль, очень жаль, — вздохнул он.

Они так хорошо ладили, стали бы отличными братьями. И старший брат, когда выйдет, наверняка бы обрадовался.

Но Ло Шичжэнь не привык унывать. Раз нельзя, значит, нельзя.

А вот Лу Цюцзинь и Ин Хэ, казалось, были в шоке.

Лу Цюцзинь думал о том, что сблизился с Ло Шичжэнем лишь для того, чтобы тот, привязавшись к нему, помог ему с Очищением. Если бы они стали названными братьями, это было бы ему только на руку.

Но в тот момент, когда он услышал это предложение, всё его существо воспротивилось.

Что-то здесь не так.

В душе Лу Цюцзиня зародилось нехорошее предчувствие.

Он видел, как Сяо Шань и Чу Сяо ревновали друг друга к Ло Шичжэню, и, заметив неладное, понял, в чём дело.

Но он... как он мог в кого-то влюбиться?

Он был холодным, бесчувственным монстром, который ненавидел даже собственных родителей и брата.

Он ненавидел весь мир и всех людей.

Его родители тоже когда-то говорили, что любят его, что он их сокровище, носили его на руках.

А потом, узнав, что он долго не проживёт, тут же бросили его и попытались пересадить его дар младшему брату.

Его брат тоже говорил, что любит его, постоянно ласкался, делился игрушками, твердил, что он — самый лучший на свете.

А потом собственными руками ударил его ножом.

«Любовь» — самое отвратительное слово на свете.

Люди легко говорят его, и так же легко забирают свои слова обратно.

И, сказав его, они словно получают право причинять боль, оправдываясь тем, что делают это из любви.

Они не сделают зла незнакомцу, но с лёгкостью причинят его тому, кого, как они утверждали, любят.

Мерзость.

Какая мерзость.

Лу Цюцзинь всегда был в этом уверен.

А теперь он должен был признать, что влюблён в Ло Шичжэня.

Он отступил на шаг, мысленно убеждая себя:

«Я просто хочу его использовать, поэтому не хочу никаких лишних связей».

Ин Хэ, тем временем, пришёл в себя.

— Шичжэнь, — как бы невзначай спросил он, — а на тебя действует инстинкт отторжения у Пробуждённых?

— Да вроде нет, — честно ответил Ло Шичжэнь. — Сначала было немного непривычно, что вокруг одни парни, но потом привык.

Сердце Ин Хэ ёкнуло.

— Конечно, из-за этого я, наверное, не смогу найти себе девушку, — продолжил Ло Шичжэнь.
— Но я слышал, что быть Хранителем очень опасно. Сейчас не время для отношений. А то, если я погибну, только человека несчастным сделаю.

О женитьбе и детях он говорил совершенно спокойно:

— Учитель сказал, что через семь лет службы в рядах Хранителей можно будет решать — уходить или оставаться. Три года в школе, семь лет службы — это десять лет. Через десять лет мне будет двадцать девять. Если встречу подходящего человека, я, наверное, уйду со службы. А там — или так женюсь, или через сваху.

Он даже подбодрил себя:

— Конечно, в двадцать девять я буду уже староват, но у нас в посёлке один мужчина и в тридцать лет женился!

Спокойствие Ин Хэ окончательно испарилось. Он попытался улыбнуться, но получилась лишь кривая ухмылка.

— Не ожидал, что у тебя всё так продумано.

— Правда? Я долго думал! — обрадовался Ло Шичжэнь, приняв это за комплимент. — Ин Хэ, а у тебя есть девушка?

Хотя Ин Хэ и был на год младше, в их старой школе многие влюблялись и в семнадцать, и в восемнадцать. Ло Шичжэнь подумал, что такой выдающийся, умный и приятный парень, как Ин Хэ, наверняка уже с кем-то встречается.

— ...Нет, — ответил тот.

Теперь он понял, о каком секрете говорил Ин Лю.

Ло Шичжэнь — гетеросексуал.

Он не любит мужчин.

Вот почему Ин Лю вёл себя так странно. Он заискивал перед Шичжэнем, но в то же время был невероятно сдержан, словно боялся сказать лишнее слово и быть отвергнутым.

Вечно своевольный Ин Лю был так робок, потому что уже признался Шичжэню в своих чувствах.

И, судя по всему, Шичжэнь отреагировал неприязнью или отстранением, иначе Ин Лю не вёл бы себя так униженно.

Зная своего брата-близнеца, Ин Хэ без труда восстановил картину произошедшего.

На сердце у него стало тяжело.

Но он не отчаялся.

Десять лет. У него есть десять лет.

За это время всё может измениться.

Сейчас главное — стать сильнее и попасть в тот же отряд, что и Ло Шичжэнь.

Если он не сможет этого сделать, он потеряет единственный шанс быть рядом с ним, и вот тогда всё будет кончено.

Ин Хэ быстро взял себя в руки и снова улыбнулся Ло Шичжэню.

Хоть он и впервые за кем-то ухаживал, но, как отличник, он и к этому подходил системно.

Перед тем, кого любишь, нужно представлять в лучшем свете, чтобы воспоминания о тебе были безупречны.

— Машина приехала. Мне пора. Пиши.

— Конечно, — кивнул Ло Шичжэнь. В этот момент он всё же почувствовал лёгкую грусть, но мысль о том, что они ещё увидятся и смогут общаться в сети, быстро её развеяла.

Проводив взглядом машину, он повернулся:

— Пойдём, Лу Цюцзинь.

Лу Цюцзинь шёл рядом, его лицо, как и прежде, было непроницаемо, лишь в глазах застыла тень.

— Ты и вправду собираешься жениться?

— Конечно, — удивился Ло Шичжэнь. — А ты нет?

— Что хорошего в женитьбе? Сначала любовь, а потом ссоры с утра до вечера. Мои родители так и живут, ненавидят друг друга.

— Ничего себе у твоих родителей сил, — почесал в затылке Ло Шичжэнь.

Ссориться — дело энергозатратное. Его бабушка, когда была здорова, была мастером этого дела. Когда в детстве Ло Шичжэня обзывали дураком, она могла ругаться с обидчиками, пройдя с одного конца посёлка до другого.

То, что к нему не приклеилось это прозвище, — целиком её заслуга.

— ...Дело не в силах, а в том, что ты тоже хочешь всю жизнь с кем-то ругаться?

— Если я женюсь, и жена будет со мной ругаться, значит, я что-то сделал не так. Я просто извинюсь, и всё, зачем ругаться?

Лу Цюцзинь никак не ожидал такого ответа.

— А если виновата будет она?

— Все ошибаются, — простодушно ответил Ло Шичжэнь. — Учитель говорил: «Осознал ошибку — исправься, и нет большего блага». Если она ошибётся, мы просто поговорим, зачем ссориться?

Ло Шичжэнь никогда не был женат, но бабушка много рассказывала ему о жизни с дедушкой, и у него сложилось твёрдое убеждение, что дедушка был ужасным человеком, который постоянно ошибался и не хотел этого признавать, чем очень злил бабушку.

Поэтому он решил, что если женится, то будет всегда признавать свои ошибки, исправляться, много работать, помогать по дому, и тогда они не будут ссориться.

— Не нужно думать о том, кто виноват, — посоветовал он Лу Цюцзиню. — Бабушка говорила,

что брак — это взаимное терпение, а злопамятность — это плохо.

Он, конечно, не осознавал, что бабушка, перечисляя грехи дедушки, как раз и была злопамятной.

Лу Цюцзинь не верил, что Ло Шичжэнь может быть таким безропотным.

Он знал его уже достаточно долго, чтобы понять, что за внешней мягкостью скрывается твёрдый стержень. Если задеть его за живое, он не уступит.

Иначе Чу Сяо, с которым он вырос, давно бы его сломил.

Почему же, когда речь зашла о какой-то несуществующей жене, он стал таким покладистым и готовым на любые уступки?

Лу Цюцзинь почувствовал, как в нём закипает раздражение.

— То есть, ты будешь делать всю работу по дому, обеспечивать семью, да ещё и извиняться во время ссор? Зачем тебе это?

— Женятся, чтобы создать семью, при чём тут «зачем»? И почему ты так говоришь о моей будущей жене? Бабушка говорила, что рожать детей очень больно. Я — мужчина, я не могу родить, не могу разделить с ней эту боль. Так почему я не могу взять на себя другие заботы? Это же естественно!

Ло Шичжэнь смотрел на Лу Цюцзиня, как на последнего негодяя.

Все его представления о браке были основаны на рассказах бабушки. Она была прекрасным человеком, но дедушка был безответственным, сваливал на неё всю работу, да ещё и ссорился, из-за чего в старости она постоянно болела.

А дедушка всю жизнь прожил в своё удовольствие, а под конец слёг от тяжёлой болезни и быстро умер. Перед смертью семье пришлось продать дом, чтобы оплатить его лечение.

Ло Шичжэнь тогда был ещё маленьким, но, слушая рассказы бабушки, он твёрдо решил, что никогда не будет таким, как дедушка.

В молодости нужно много работать, не ссориться с женой и признавать свои ошибки. А в старости, если заболеешь раньше неё, нужно быстро умереть, чтобы не тратить деньги на бесполезное лечение и не оставлять семью в нищете.

И сейчас ему казалось, что у Лу Цюцзиня есть все шансы стать таким же, как его дедушка.

— Нехорошо так думать, — по-доброму похлопал он Лу Цюцзиня по плечу. — Постарайся измениться, а то тебя ни одна девушка замуж не возьмёт.

Лу Цюцзинь хотел было возразить, но Ло Шичжэнь добавил:

— Во всяком случае, если бы я был девушкой, я бы за тебя не пошла.

Лу Цюцзинь: «...»

Видя, что тот замер, Ло Шичжэнь испугался, что обидел его, и поспешил добавить:

— Но я же не могу говорить за всех девушек. Ты красивый, умный, может, найдётся та, которой понравится твой странный характер.

— Я просто говорю, что я бы не согласился.

Он почесал в затылке, довольный своей находчивостью. Он и своё мнение высказал, и Лу Цюцзиня не обидел.

— Ха-ха, не обращай на меня внимания. Я же парень, так что я на тебе точно не женюсь.

<http://bllate.org/book/16996/1589342>